

НИКОЛАЙ СВЕЧИН ДЕНИС НИЖЕГОРОДЦЕВ

Москва

КОГДА ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ РАЗРЫВАЮТ НА ЧАСТИ

Пуля времени
Подельник века
Отстойник душ

НИКОЛАЙ СВЕЧИН ДЕНИС НИЖЕГОРОДЦЕВ

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Свечин, Николай.
С24 Подельник века / Николай Свечин, Денис Нижегородцев. — Москва : Эксмо, 2025. — 448 с. — (Выстрел в прошлое. Исторические детективы Свечина о путешествии во времени).

ISBN 978-5-04-221711-1

Капитан полиции Юрий Владимирович Бурлак по заданию ФСБ снова отправляется в прошлое, в 1912 год. Невероятные перемещения во времени уже стали для него почти рутинной: ну прошлое, ну старая Москва, что тут особенного? Вот только эту миссию можно назвать судьбоносной. Дело в том, что Юрию стало известно о готовящемся покушении на императора Николая Второго. Критически мало времени остается на то, чтобы вычислить террориста и обезвредить его. И тут Бурлака обвиняют в поджоге дома коллежского секретаря Двуреченского. Досадная случайность? Но отныне прошлое начинает развиваться вовсе не так, как написано в учебниках по истории...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-221711-1

© Свечин Н., 2024
© Нижегородцев Д., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ГЛАВА 1

ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

• 1 •

Москва начала XXI века — совсем не Москва начала XX-го. Достаточно выйти в центр и окинуть взглядом окружающую действительность, чтобы это понять. Вышли? И что вы видите? Что слышите? Что ощущаете? Вам ближе тротуарная плитка Собянина? Или «большой лужковский стиль»? Парящий мост в парке «Зарядье» или торговый центр «Наутилус» на Лубянской площади? Бесит рев моторов, хозяева которых почему-то считают дурным тоном поставить глушитель на выхлопную трубу? Или пиликанье зеленых человечков на светофорах? А запах? Чего в нем больше: вечерней прохлады от Москвы-реки или потного послевоксия от дневной беготни по улицам?

Ну а в целом как вам здесь и сейчас? В том веке, в котором живете, том теле, в котором повезло родиться?..

Вопросы не праздные. Потому что случиться может всякое. Как однажды произошло с капитаном убойного отдела столичного полицейского главка Юрой Бурлаком. Он тоже не думал, что влипнет в историю... При чем Историю с большой буквы. Он просто жил, по мере сил ловил опасных преступников, не раз представлялся к ведомственным наградам, а за многих сослуживцев был готов и пулю словить не задумываясь.

Из необычного разве что имел не самое распространенное увлечение — в любую свободную минуту брался за книгу. И не просто за Донцову или Устинову при всем к ним уважении. А зачитывался исторической литературой, отдавая предпочтение сюжетам, происходившим в старой Москве с разными чинами дореволюционного сыска и тем отребьем, которое они ловили.

Но будьте осторожны со своими желаниями, даже потаенными и не высказанными вслух, ибо они имеют свойство сбываться. Как, собственно, и произошло. Когда опер

из XXI века попал... опять же в Историю... И сразу на 111 лет лет назад! Да еще и очутившись в теле бандита — Жорки Ратманова, вора-рецидивиста и капорника¹ Серебряного века². Став сначала есаулом в банде Хряка — уголовного атамана среднего пошиба, а потом и ближайшим помощником Казака — ивана³, который держал в страхе уже пол-Москвы.

Дальше было всякое. И ограбление железнодорожной кассы, и присвоение общака старообрядцев, и задержание, и разборки с местными головорезами, в том числе из-за женщины атамана... Была и любовь, как водится, большая и чистая. И даже пуля в голову, которая все разом и прекратила, досрочно вернув Бурлака домой...

¹ Капорник — предатель, в уголовном мире бандит, ставший полицейским осведомителем.

² Капорник, полицейский, дворник Серебряного века и т. д. — ироничное обозначение человека, живущего в эпоху расцвета российской культуры конца XIX — начала XX века, когда творили Блок, Ахматова, Маяковский... При этом важно понимать, что сами эти люди не называли описываемый период Серебряным веком — это самая яркая характеристика того времени с точки зрения попаданца и обывателей XXI века.

³ Иван — уголовный авторитет, главарь банды.

● 2 ●

И вот стоит теперь Юра у Политехнического музея недалеко от Лубянки. Нервно курит в сторонке... от больших исторических процессов. В одной руке – самый прочный и вместительный пакет из «Спара», в другой – еще один, а вместе – несколько десятков кило старинных монет царской чеканки, оставшихся от путешествий в прошлое. Добыча, которую еще только предстоит перепрятать в будущем. И которой вполне хватило бы на недешевую трешку в Новой Москве. Диалектика времен, туды ее в качель.

Взгляд опера блуждает по сторонам. Было – стало. Уж он-то имеет возможность сравнить, что изменилось в Москве, как никто другой. Вернулся «оттуда» не далее как две недели назад. Толком и не осознав, сколько сейчас времени... Вернее, в каком времени он себя на самом деле ощущает.

К примеру, на месте Центрального детского магазина еще две недели назад высился Лубянский пассаж – не менее помпезный, кстати, чем нынешний ЦДМ. А впечатляющую штаб-квартиру отечественных спецслужб занимало страховое общество «Россия».

Правда, тогда в архитектуре здания превалировали французский ренессанс и североевропейское барокко. Теперь же оно приобрело черты конструктивизма, сталинского ампира и, несомненно, испытало влияние одного из председателей КГБ Юрия Андропова.

Кстати, чекисты заняли огромное здание на Большой Лубянке, 2, благодаря целой цепочке исторических событий, куда же без них. Для этого должны были случиться революции, одна и другая. Потом переезд правительства из революционного Петрограда. И наконец, национализация, во время которой вдоль главной «страховой» улицы Москвы позакрывались все частные лавочки, живущие за счет прогнозов о светлом будущем.

Но даже после Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, небезызвестная ВЧК, занимала дом поскромнее, тут же, неподалеку, — особняк на Большой Лубянке, 11. Правда, уже весной 1919-го людям в черных кожанках в нем стало тесно. И взгляд их вождя Феликса Эдмундовича Дзержинского предсказуемо упал на великолепное здание напротив.

Но он еще раздумывал. И «Россию» сперва передали местным профсоюзам, чтобы

еще через несколько дней данные товарищи неожиданно уступили место политической полиции. А дальше ГПУ – ОГПУ – НКВД – МГБ – КГБ – ФСБ...

Бурлак останавливает взгляд на одном улыбочивом современнике. Тот как будто читает газету. Но мы-то знаем, как читают газеты на самом деле. Еще один обыкновенный москвич смотрит в сторону, где нет ничего, на что он мог бы глядеть так долго. И даже женщине в модном брючном костюме немного непривычно в штатском – ей больше пошли бы китель и погоны.

А наш герой успевает заскочить в почти уже отъехавший электробус. Но он знает, что совсем скоро окажется здесь снова...

● 3 ●

Так и случается. Только уже без старинных монет и в одежде, больше подобающей случаю. Бурлак докуривает сигарету и делает несколько шагов в сторону служебного входа с обратной стороны гигантского коричневого здания.

Одновременно с ним приходят в движение еще двое, которых опытный оперативник не

может не заметить боковым зрением. А может, и не двое, а больше — глаз на затылке нет даже у таких профессионалов, как Юра Бурлак. Ясно одно — его уже ожидают.

Дальше происходят вполне привычные для такого места процедуры, после которых капитан обнаруживает себя сидящим в узком и длинном кабинете, уходящем вдаль метров на тридцать, где во главе стола занимает место человек с погонами подполковника Федеральной службы безопасности.

— Здравствуйте, Юрий Владимирович! Давайте сразу представлюсь: Геращенко Дмитрий Никитич, руководитель подотдела «Б» отдела сто четырнадцать Первого Главного управления Федеральной службы безопасности. А по совместительству — один из основных кураторов операции по вашему возвращению домой.

Спецслужбист протягивает экс-попаданцу руку. И тот вынужден сделать около пары десятков шагов вперед, чтобы ее пожать.

Геращенко знает свое дело, а возможно, даже умеет читать мысли собеседника. Во всяком случае, на целый ряд вопросов Бурлака он отвечает раньше или одновременно с тем, как тот их задает.

К примеру, опера весьма интересуется судьба некоего Викентия Саввича Двуреченского. В прошлом, в Москве 1912 года, этот тип занимал довольно высокий пост чиновника для поручений при начальнике московского сыска. Но не только. Чуть позже Двуреченский представился инспектором Службы эвакуации пропавших во времени – сокращенно СЭПвВ, приложив руку и к возвращению Бурлака домой и даже организовав всю операцию.

Правда, при этом наплел всякого про клад в старообрядческой церкви и пообещал златые горы, когда капитан вернется в будущее. Но в XXI веке Бурлак обнаружил лишь часть обещанного. И даже собственная записка, припрятанная в прошлом в паре сотен метров от здания нынешнего ФСБ – в Политехническом музее, – не до конца удовлетворила Юрия. Он хочет знать, где Двуреченский сейчас, что с ним, ну и... с деньгами.

– Скажите, что случилось с Двуреченским?

– Это вы нам скажите! – парирует подполковник Геращенко.

– Я не знаю.

— Эх! — собеседник дергает плечом. — Все банально, вполне банально. Знаю я, куда он убежал! Все они бегут в Америку! Как будто там медом намазано... Мы сообщим нашим коллегам из аналогичной службы при ФБР, и они отыщут дезертира.

— И вернут вам? — допытывается Бурлак.

— Если бы... Возьмут его за горло и заставят стать донатором. Помогать своим американским гениям, как мы в России помогаем своим. А нам — шиш!

Приняв данность, опер задает следующий вопрос, мешающий отпустить прошлое даже больше, чем предыдущий:

— Он касается Риты...

— Вы же прочитали о ее печальной судьбе в личном деле?

— Прочитал.

— И?

— Можно ли что-то изменить? Ну чтобы она прожила дольше? Или, по крайней мере, не умирала столь мучительной смертью под колесами трамвая? Вряд ли изменение судьбы рядовой гражданки способно привести к сколько-нибудь серьезным последствиям на уровне страны или мира?

Рита... Сирота, выросшая на Хитровской площади, в самом криминальном районе тогдашней второй столицы. С юности продавала свою красоту за деньги. Была женщиной бандита Хряка. А потом, согласно личному делу, которое Бурлак нарыл уже в будущем, вышла замуж за другого бандита... И закончила свои дни в нелепом ДТП в начале 20-х. Но только 1920-х.

— То есть Оксаны Александровны вам мало? — Геращенко принимается ходить вдоль окна.

И он прав. В нынешнем веке капитан Бурлак давно окольцован, то есть женат на Оксане. И вероятно, жил бы с этим еще много-много лет. Если бы поездка в прошлое не заставила по-иному взглянуть на многие вещи. И если бы не Рита...

— Допустим, мы придумаем, как уберечь ее от гибели под колесами трамвая. Взамен вы готовы поработать на нас? — Геращенко говорит это почти буднично, неизвестно, скольких еще он склонял к сотрудничеству подобным же образом.

И Юрий вдруг соглашается. Зачем тянуть? Он думал об этом уже несколько дней в прошлом и еще несколько в будущем. Сейчас,

конечно, помурыжат для проформы, опросят насчет того же Двуреченского, детектор лжи заставят пройти и другие проверки. Потом будут какие-нибудь годовичные курсы усовершенствования начальственного — от слова начало, а не начальник — состава Службы эвакуации пропавших во времени. И вуаля — вместо 2024-го или 2025-го опер окажется в 1922-м, с Ритой, которую, возможно, сам же спасет от смерти!

Оказывается, даже прошлое можно планировать, не то что будущее! Бурлак уже мысленно улыбается. Но потом ловит взгляд Геращенко. Кажется, тот что-то ему говорит.

— И еще... — продолжает подполковник. — Сейчас вам сделают «инъекцию Геращенко». Особый состав, придуманный еще при Никите Юриче, моем отце. Он поможет вам сохранить себя и не сваливаться против вашей воли куда-то в прошлое, в условную Тьмутаракань. Вы ведь теперь один из нас. Золотой фонд страны. Ландаутист¹ на службе России!

¹ Л а н д а у т и с т ы — люди с генетическим отклонением, предрасположенные к путешествиям в прошлое, а саму технологию перемещений во времени разработал для них физик Л. Д. Ландау.

— Хорошо, не ландаунутый...

Менее чем через минуту Бурлак чувствует легкий укол в шею. Как будто комар укусил. После чего изображение перед глазами начинает меняться. Вместо неприятной физиономии Геращенкова появляется куда более милое лицо Риты, которое опер уже начал подзабывать. Она что-то беззвучно шепчет. Капитан вслушивается и пытается разобрать слова. Но ничего не получается. В конце концов он просто теряет сознание...

● 4 ●

...Очнувшись уже в знакомых интерьерах Сандуновских бань, да в 1912 году! Откуда он с таким трудом срулил несколько недель назад обратно в будущее. Причем сделав это ценой собственной жизни!

В дворянский номер, оплаченный агентом СЭПвВ Двуреченским, тогда влетели бывшие поделщики попаданца сразу из двух банд: Хряка и Казака. И если первый атаман сходил с ума от ревности и был готов убить из-за Риты, второй вполне справедливо заподозрил Бурлака в работе на полицию, а убивал и за меньшее...

Хотя нет — какого Бурлака? В начале XX века Юра пребывал в теле бандита Георгия Ратманова по кличке Гимназист. И вот сейчас благополучно в него же и вернулся. Притом что отчетливо помнил, как бандиты в прошлый раз его убили... Вспомнил он и о своем безумном альтруистическом поступке — черт дернул встать на пути пули, предназначавшейся другому. Было это примерно так:

— Стоять! Руки вверх! — заорал Хряк.

Двуреческий послушно поднял руки. Но Ратманов медлил. И даже успел шепнуть чиновнику для поручений:

— Ты знал.

— Заткнись, гнида! — снова гаркнул Хряк. — Сейчас мы на твоих глазах уьем чиновника для поручений. А потом и тебя. Бах — и ни одной бабы больше у тебя не будет никогда.

Хряк схватил Двуреченского за шиворот и буквально вжал в стену.

— Молись!

Инспектор СЭПвВ начал что-то шептать себе под нос. Не то молитву, не то цифровой код для перемещений во времени. А Хряк взвел курок и приставил револьвер к его голове.

— Стойте! — Ратманов не мог этого допустить.

— Все, в топку разговоры! — заорал вконец ополоумевший атаман банды, снова повернулся к Двуреченскому и нажал стволом ему в затылок. — Кабзда тебе!

Но в этот момент чиновник неожиданно оттолкнул ближайших бандитов, вышиб ногой дверь и побежал по банному коридору.

— Сукин сын! — Хряк зажмурил один глаз, прицелился и выстрелил вслед убежавшему.

Вот только Ратманов в последний момент встал на его пути и... переписал историю. Правда, ненадолго: проведя дома, в XXI веке, всего около половины стандартного отпуска сотрудника ГУ МВД. А теперь снова вернулся в Серебряный век. И мягко говоря, будучи не в ресурсе...

Он лежал посреди банной комнаты в луже собственной крови. И угасающим взором наблюдал, как Двуреченский уже довольно далеко убежал по коридору, а затем и вовсе скрылся за угол. За чиновником для поручений кинулись было двое бандитов. Но за мешкались. Один тут же упал, споткнувшись о бадью с водой. И еще долго матерился непереводимым каскадом дореволюционных обценных слов.

Уйдет — не уйдет? Раньше Двуреченскому всегда удавалось выходить сухим из воды. Но в этот момент умирающему Ратманову вдруг захотелось, чтобы чиновника схватили. Сейчас он ненавидел его едва ли не больше, чем собственных убийц.

После чего откуда-то из-за стены, уже с улицы, послышались несколько выстрелов. Потом ругань головорезов. Снова. И хрип, похожий на стон Двуреченского. Все-таки догнали...

Хотя какой, к лешему, Двуреченский?! Не истечь бы собственной кровью! Эти ребята вообще понимают, что Георгий еще жив и ему нужно оказать помощь? Где хоть какая-то человечность? Милосердие? Красный крест? «Скорая помощь»? Что у них там вообще творилось век назад!

— Заткни его, — неожиданно скомандовал кому-то Хряк. Он даже не посмотрел на Ратманова, но Жора и так понял, что речь идет о нем.

И стало так обидно! Не столько даже от своей незащитности, сколько от всемирной, вселенской, всевременной несправедливости. Вот почему с ним так, а? Зачем его снова отправили в тело Ратманова в 1912-й, хотя дол-